

БАТАРЕЙНЫЙ ЗАЯЦ

Далеко на севере, на самом краю нашей земли, у холодного Баренцева моря, стояла всю войну батарея знаменитого командира Поночевного. Тяжелые пушки укрылись в скалах на берегу — и ни один немецкий корабль не мог безнаказанно пройти мимо нашей морской заставы.

Не раз пробовали немцы захватить эту батарею. Но артиллеристы Поночевного и близко к себе врага не подпускали. Хотели немцы уничтожить заставу — тысячи снарядов посылали из дальнобойных орудий. Устояли наши артиллеристы и сами таким огнем ответили врагу, что вскоре замолчали немецкие пушки — разбили их меткие снаряды Поночевного. Видят немцы: с моря не взять Поночевного, с суши не разбить. Решили ударить с воздуха. День за днем посылали немцы воздушных разведчиков. Коршунами кружились они над скалами, высматривая, где спрятались пушки Поночевного. А потом налетали большие бомбардировщики, швыряли с неба на батарею огромные бомбы.

Если взять все пушки Поночевного и взвесить их, а потом подсчитать, сколько бомб и снарядов обрушили немцы на этот клочок земли, то выйдет, что вся батарея весила раз в десять меньше, чем страшный груз, сброшенный на нее врагом...

Я бывал в те дни на батарее Поночевного. Весь берег там был разворочен бомбами. Чтоб пробраться к скалам, где стояли пушки, пришлось перелезть через большие ямы-воронки. Некоторые из этих ям были так просторны и глубоки, что в каждой из них уместился бы хороший цирк с ареной и местами для зрителей.

С моря дул холодный ветер. Он разогнал туман, и я рассмотрел на дне огромных воронок маленькие круглые озера. У воды сидели на корточках батарейцы Поночевного и мирно стирали свои полосатые тельняшки. Все они недавно были моряками и нежно берегли матросские тельняшки, которые им остались на память о флотской службе.

Меня познакомили с Поночевным. Веселый, немножко курносый, с хитрыми глазами, смотревшими из-под козырька морской фуражки. Только мы разговорились, как сигнальщик на скале закричал:

— Воздух!

— Есть! Завтрак подан. Сегодня завтрак дадут горячий. Укрывайтесь! — проговорил Поночевный, оглядывая небо.

Небо загудело над нами. Двадцать четыре «юнкерса» и несколько маленьких «мессершмиттов» летели прямо на батарею. За скалами громко, торопясь, застучали наши зенитки. Потом тонко заверещал воздух. Мы не успели добраться до укрытия — земля охнула, высокая скала недалеко от нас раскололась, и камни завизжали над нашими головами. Твердый воздух ушиб меня и повалил на землю. Я залез под нависшую скалу и прижался к камню. Я чувствовал, как ходит подо мной каменный берег.

Грубый ветер взрывов толкался мне в уши и волок из-под скалы. Цепляясь за землю, я что есть силы зажмурил глаза.

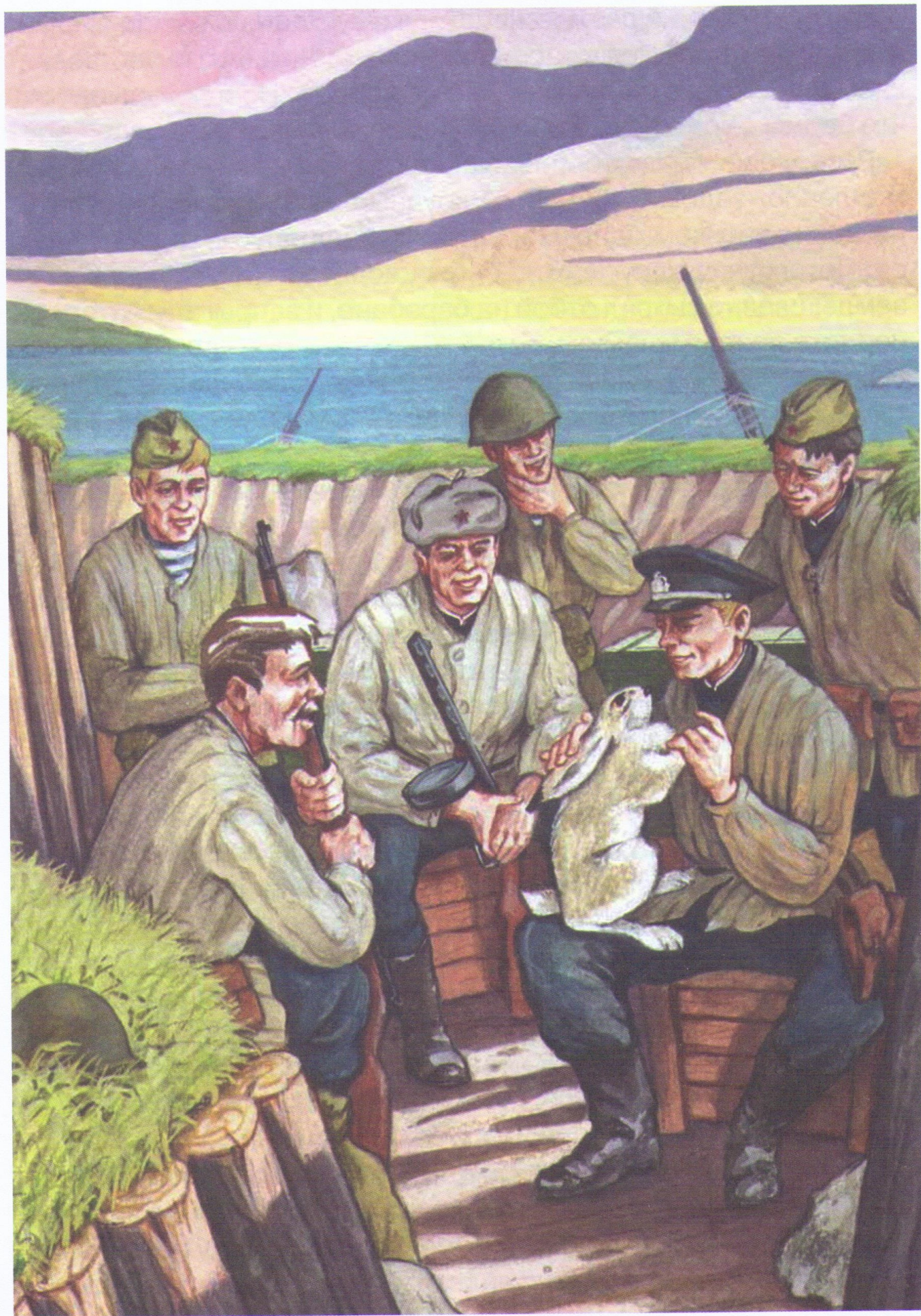
От одного сильного и близкого взрыва глаза у меня сами раскрылись, как раскрываются окна в доме при землетрясении. Я уж было собрался опять зажмуриться, как вдруг увидел, что справа от меня, совсем близко, в тени под большим камнем, шевелится что-то белое, маленькое, продолговатое. И при каждом ударе бомбы это маленькое, белое, продолговатое смешно дрыгалось и снова замирало. Меня так разобрало любопытство, что я уже не думал об опасности, не слышал взрывов. Мне только хотелось узнать, что за странная штука дрыгается там под камнем. Я подобрался ближе, заглянул под камень и рассмотрел белый заячий хвостик. Я подивился: откуда он здесь? Мне известно было, что зайцы тут не водятся.

Грохнул близкий разрыв, хвостишко судорожно задергался, а я поглубже втиснулся в расщелину скалы. Я очень сочувствовал хвосту. Самого зайца мне не было видно. Но я догадывался, что бедняге тоже не по себе, как и мне.

Раздался сигнал отбоя. И тотчас я увидел, как из-под камня медленно, задом выбирается крупный заяц-русак. Он вылез, поставил торчком одно ухо, затем поднял другое, прислушался. Потом заяц вдруг сухо, мелко, коротко пробил лапами по земле, словно сыграл отбой на барабане, и запрыгал к батарее, сердито прядая ушами.

Батарейцы собрались около командира. Сообщали результаты зенитного огня. Оказывается, пока я там изучал зайкин хвост, зенитчики сбили два немецких бомбардировщика. Оба упали в море. А еще два самолета задымили и сразу повернули домой. У нас на батарее бомбами повредило одно орудие и осколком легко ранило двух бойцов. И тут я опять увидел косого. Заяц, часто подергивая кончиком своего горбатого носа, обнюхал камни, потом заглянул в капонир, где укрывалось тяжелое орудие, присел столбиком, сложив на животике передние лапы, осмотрелся и, словно заметив нас, прямехонько направился к Поночевному. Командир сидел на камне. Заяц подскочил к нему, забрался на колени, уперся передними лапками в грудь Поночевного, дотянулся и стал усатой мордочкой тереться о подбородок командира. А командир обеими руками гладил его уши, прижатые к спинке, пропускал их через ладони... Никогда в жизни не видел я, чтоб заяц держался так вольно с человеком. Случалось встречать мне совсем ручных заек, но стоило коснуться ладонью их спины, и они замирали от ужаса, припадая к земле. А этот держался с командиром запанибрата.

— Ах ты, Зай-Заич! — говорил Поночевный, внимательно осматривая своего приятеля. — Ах ты, нахальный зверюга... не покорябало тебя? Не знакомы с нашим Зай-Заичем? — спросил он меня. — Это мне подарочек разведчики с Большой земли привезли. Паршивенький был, малокровный такой с виду, а у нас отъелся. И привык ко мне, зайчина, прямо ходу не дает. Так и бегают за мной. Куда я — туда и он. Обстановка у нас, конечно,

для заячьей натуры не очень подходящая. Сами могли убедиться — шумно живем. Ну, ничего, наш Зай-Заич теперь уже малый обстрелянный. Даже ранение имел, сквозное.

Поночевный взял осторожно левое ухо зайца, расправил его, и я увидел зарубцевавшуюся дырочку в лоснящейся плюшевой, розовой изнутри коже.

— Осколочком прошибло. Ничего. Теперь зато в совершенстве изучил правила ПВО. Чуть налетят — он уже мигом где-нибудь укроется. А один раз вышло, так без Зай-Заича была бы нам полная труба. Честное слово! Долбили нас часов тридцать кряду. День полярный, солнце на вахте круглые сутки бессменно торчит, ну вот немцы и пользовались. Как это в опере поется: «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Так вот, стало быть, отбомбили они наконец, ушли. Небо в тучах, но видимость приличная. Огляделись мы: ничего как будто не предвидится. Решили отдохнуть. Сигнальщики наши тоже притомились, ну и проморгали. Только смотрим: Зай-Заич тревожится что-то. Уши наставил и передними лапами чечетку бьет. Что такое? Нигде ничего не видно. Но знаете, какой у зайца слух? Что же вы думаете, не ошибся зайчина! Все звукоуловители опередил. Сигнальщики наши только через три минуты обнаружили самолет противника. Но я уже успел на всякий случай команду дать заранее. Приготовились, в общем, к сроку. С того дня уже знаем: если Зай-Заич ухо наставил, чечетку бьет, — следи за небом.

Я поглядел на Зай-Заича. Задрал хвостик, он резво прыгал на коленях у Поночевного, искоса и с достоинством, как-то совсем не по-заячьи, озирался стоявших вокруг нас артиллеристов. И я подумал: «Какие же смельчаки, наверное, эти люди, если даже заяц, немного пожив с ними, сам перестал быть трусом!»

